

УДК 94(47)

РЕПОРТАЖНЫЙ ПОРТРЕТ УДАРНИКА ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК КАК ЭЛЕМЕНТ ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОРТРЕТА ЗАБОЙЩИКА НИКИТЫ ИЗOTOVA)

© 2020 г.

Е.П. Максименко

Московский государственный институт стали и сплавов, Москва

maksimenko.ep@misis.ru

Поступила в редакцию 28.08.2020

На конкретном примере репортажного портрета забойщика Никиты Изотова рассматривается визуальная репрезентация рабочего в советских СМИ первой половины 1930-х гг. Подчеркивается роль визуальных средств, несущих политическую нагрузку, роль эстетики фотографии как инструмента идеологического воздействия.

Ключевые слова: пятилетка, трудовые ресурсы, ударник, изотовское движение, фотокорреспондент, шахтер, богатырь, визуальная коммуникация.

Успех курса на индустриальный рывок, инициированного руководством СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг., напрямую зависел от возможностей государства сконцентрировать на ключевых направлениях все имеющиеся в его распоряжении общественные ресурсы: природные, материальные, финансовые и трудовые.

Громадная доля конечного исторического успеха всего процесса модернизации зависела от эффективности использования трудовых ресурсов. «На стройках первых лет индустриализации превалировал в основном физически тяжелый малоквалифицированный труд. Темпы индустриализации настраивали людей на авральный, штурмовой ритм работы, на ударное, коллективное, одномоментное и конечное в обозримой перспективе действие», – отмечает В.С. Тяжелникова [1, с. 108]. Государству, заинтересованному в интенсивной работе многомиллионных масс в экстраординарных ситуациях, крайне важно было реализовать как можно больше трудовых возможностей человека, активировать потенциал всего трудоспособного населения страны, сформировать в обществе такое отношение к труду, какое будет способно стимулировать массы на новые и новые свершения.

К решению задачи по повышению эффективности использования человеческих ресурсов были привлечены все существовавшие на тот момент средства массовой информации и массового воздействия: пресса, радио, кино, литература и пр. Особое место в выполнении агитационно-пропагандистской функции отводилось разнообразной и многочисленной печатной продукции. Через нее государством активно применялся инструмент, называемый в наши дни визуальной политикой, понимаемой, прежде всего, как способность «воздействовать на

визуальное восприятие респондентов не только с помощью визуальной компоненты, но и всего, что вкладывает автор в содержание» [2, с. 105]. Формирование жизненно важных отношений между государством и обществом, обусловленное практическими задачами модернизации, в области визуальных коммуникаций происходило через газеты, журналы, фотоальбомы, плакаты, целенаправленно насыщавшие социальную среду первой половины 1930-х гг. зрительными образами развивающейся «индустрии социализма».

В период первой пятилетки крайне важное место отводилось агитационному промышленному плакату. Большевики активно использовали его уже в конце Гражданской войны, принимаясь за промышленное восстановление разоренных ею территорий. Спустя два десятка лет среди многочисленных живописных работ вновь стали актуальны плакаты на угольную тему, поскольку в Советском Союзе 1930-х гг. уголь по-прежнему являлся насущным «хлебом промышленности» (В.И. Ленин), без потребления которого тяжелая индустрия не могла развиваться заданными сверхвысокими темпами. В лучших работах плакатного жанра, где изображение сопровождали краткие императивные лозунги («Механизируем Донбасс» Александра Дейнеки, «Вернем Угольный Долг стране» Густава Клуциса, «Выполним угольную пятилетку в три года» Адольфа Страхова – рис. 1), отражалось время, признающее только повелительное наклонение.

С развитием технической базы пополнять ряд воздействующих визуальных образов стало возможно с помощью опубликованных в газетах и журналах фотоснимков. Для того чтобы «считать» фотографию, зрителю не нужны осо-

Рис. 1. Выполним угольную пятилетку в три года.
А. Страхов. 1931 г.

Рис. 2. Лучший ударник шахты «Красный Профинтерн» Т.А. Мурашко (Донбасс).
Фото Т. Симонова. 1933 г.

бая подготовка или специальные знания, в силу чего она стала важнейшим средством визуальной политической коммуникации. Иллюстрированные издания оперативно выполняли государственный запрос на мощную агитацию, доходящую до каждого человека. На рубеже 1920–1930-х гг. фотография в сочетании с рисунком создает новый стиль массовой прессы, оперирующей наглядной информацией, своеобразную изобразительную публицистику. Использование главной силы фотографии – ее документальной формы – позволяло передать реальную картину успехов в развитии индустрии. Кроме того, новые идеологические задачи стимулировали развитие новой профессии фотокорреспондента. Стараясь запечатлеть все, что созидалось в быстро развивающейся стране, молодые советские репортеры создавали нечто вроде фотолетописи индустриализации. Центральными и местными изданиями публиковались красноречивые и понятные массам снимки и целые фоторепортажи о новых промышленных предприятиях и выпускаемой ими продукции, о сопровождавшем индустриализацию строительстве новых городов и, конечно, о людях, чьими усилиями осуществлялся промышленный рывок.

Визуальные коммуникации – это реальный инструмент политической практики, сила которого ясно осознавалась советским агитпропом. Образы рабочих разных профессий заполнили печатные издания. Канон изображения рабочего человека сложился далеко не сразу. Например, в знаковом фотоальбоме «Ударники» (1931), по мнению С.С. Коробковой, репортеры

стремились «выгодно показать» не столько лица рабочих, сколько их орудия труда. Без них «ударники словно теряют идентичность, принадлежность к индустрии», – считает исследователь [3, с. 79, 81]. Подобный подход во многом объясняется главным лозунгом первой пятилетки: «Техника решает все!». Но постепенное преодоление «голода в области техники» (И.В. Сталин) неизбежно ставило в центр внимания людей, этой техникой управлявших. И тут важную роль в процессе коммуникации получает автор изображения, ведь именно он представляет массам передовиков производства, регулярно превышающих установленные нормы и сроки, трудящихся с полным напряжением сил.

Прессу наполнили снимки ударников производства, сделанные крупным планом. В интересах большей выразительности фотокорреспонденты использовали нестандартные ракурсы. Например, своеобразным символом трудового героизма, крайне востребованного в угольной отрасли страны, которая никак не могла выйти на запланированные показатели добычи, стал фотопортрет шахтера со вскинутым на плечо отбойным молотком. Забойщиков часто фотографировали с низкого ракурса – такая съемка придавала некую монументальность их фигурам, совершенно не обязательно соответствовавшим атлетическим стандартам. Примером применения подобной съемки служит размещенный в мае 1933 г. на обложке журнала «Пролетарское фото» фотопортрет забойщика шахты «Красный Профинтерн» треста «Артемуголь» Т.А. Мурашко (рис. 2).

Рис. 3. Никита Изотов. Фото М. Маркова. 1933 г.

Один из лучших забойщиков Донбасса, Мурашко был хорошо известен не только в регионе. Высокие трудовые показатели шахтера упоминал даже народный комиссар тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе в отчетном докладе VII съезду советов СССР 31 января 1935 г. (ровно за семь месяцев до рекорда Алексея Стаханова): «Средняя производительность отбойного молотка в смену в... Донбассе в 1934 году 6.5 т. Тов. Мурашко... дал 50 т, и дает эту выработку в течение нескольких месяцев» [4, с. 620].

Портрет забойщика Т. Мурашко выполнен в соответствии с творческо-методическими рекомендациями журнала «Советское фото»¹, единственного специализированного фотографического издания в стране, неуклонно ориентировавшего советских «фотоработников» на «героики, воплощенную в снимках» [5, с. 6]. На обложке изображен человек с суровым волевым лицом, вскинувший на плечо отбойный молоток. Очевидно, что по замыслу автора это «орудие легкой механизации» Донбасса уподоблено грозному оружию в могучих руках воина, ведь на «угольном фронте» шахтеры непрестанно должны были вести «битву» за «большой» уголь. Кроме того, к спецовке забойщика прикреплена довольно массивная шахтерская лампа – еще один неременный атрибут труда угольщика, присутствующий на подобных портретах. В попытке придать образу дополнительную выразительность снимок сделан снизу и немного наискосок. Такие фотографии, выполненные как опытными репортерами центральных редакций, так и не слишком профессиональными провинциальными фотографами, регулярно появлялись в центральных и местных изданиях. Однажды найденный кем-то образ массово тиражировался, быстро утрачивая свою новизну и,

соответственно, воздействующий эффект. «Безличные, застывшие портреты ударников в грязных спецовках и обязательным отбойным молотком на плече, терявшие всякое индивидуальное выражение в своей бесстрастной протокольности», – так позднее охарактеризовал их критик все того же «Советского фото» Илья Сосфенов [6, с. 14].

Но пресловутая «грязная спецовка» абсолютно не мешала настоящим мастерам фотографии в обычном репортажном портрете передать дух эпохи. Последовательно выполняя поставленную задачу отражения трудового подвига советского человека, лучшие фотокоры показывали в своих работах главное – простых людей, искренне верящих в новую жизнь, в дело, которым они занимаются. Да и сами фотографы были уверены в важности запечатленного момента, а создаваемые ими визуальные образы выступали как «средство ориентирования в окружающем мире» [2, с. 98] – и для них также. Стараниями лучших фотожурналистов в советской прессе появлялись изображения, связанные не только с сухой констатацией трудовых достижений передовиков производства, но и с созидательным творческим началом в труде.

«Мощная фигура в каске занимает большую часть кадра и снята на фоне индустриальных строений, подавляя их своим масштабом. Его лицо и одежда покрыты плотным слоем угольной пыли, и это уже не человек, а монумент шахтеру» [7], – так современный критик описывает репортажный фотопортрет забойщика из Донбасса (рис. 3), чью славу в стране в свое время смогла превзойти только слава Алексея Стаханова.

Имя героя этого снимка знала вся страна. Донецкий шахтер Никита (Никифор) Алексеевич Изотов (1902–1951) – одна из центральных фигур ударничества первой половины 1930-х гг. Его фамилия дала название изотовскому движению – первому в советской истории массовому движению за повышение производительности труда. Уже вслед изотовцам пришли другие известные «именные» движения последователей новаторов социалистического труда, родившиеся в годы второй пятилетки – стахановцы, бусыгиновцы, кривоносовцы.

На Горловскую шахту № 1 («Кочегарка») двадцатилетний Никифор Изотов поступил в 1922 г. и уже очень скоро прослыл хорошим забойщиком. Отслужив в армии, он опять вернулся в забой, чтобы «рубать уголь». Никифор обладал недюжинной физической силой, знал шахту, знал, как брать уголь, любил свое дело. Он сразу начал ставить рекорды, из-за которых шахтерская биография Изотова прервалась еще

на два года. Рабочего-передовика сначала выдвинули в президиум райисполкома, потом отравили заведовать районным отделом коммунального хозяйства, еще через некоторое время – руководить сельскохозяйственной школой, при которой было большое хозяйство. Эта работа нравилась сыну орловского крестьянина, и, как впоследствии написал сам Изотов, в школе он начал «зарываться в земельное дело» [8].

И все-таки Никифора тянуло вернуться на свою шахту, что и произошло осенью 1930 г. Он опять ставил рекорды, перевыполнял все планы и задания. Его личной нормой были 400–450% нормы общепринятой. Пока Изотов еще рубил уголь обушком, что не мешало ему в среднем добывать 20 т угля в день, шахтеры в шутку называли его «врубовой машиной». О рекордах Изотова говорили на всех шахтах, а их руководство призывало горняков равняться на передовика с «Кочегарки».

Однако производственные рекорды Изотова, в совершенстве овладевшего техникой своего дела, мало меняли общую картину на шахте №1, которая на начало 1930-х гг. систематически не выполняла план и слыла едва ли не худшей в Донбассе. Такая ситуация задевала Изотова за живое, ведь к шахте он относился как к святыне. Доброжелательный к людям, Никифор индивидуально стал помогать неопытным новичкам – вчерашним сельским парням, делясь с ними простыми, по сути своей, секретами собственного мастерства, включавшими тщательное изучение угольного пласта, умение быстро производить крепление горных выработок, четкую организацию труда, содержание в порядке инструмента и пр.

Активно внедряемое в массовое сознание представление о труде как о героизме в эти годы было призвано поднять общественную значимость труда. Одним из главных условий выполнения заданий пятилетки, формирования нового отношения к труду и нового человека социалистического общества провозглашалось социалистическое соревнование. Придаваемое соцсоревнованию высокое общественное значение озвучил в 1930 г. советский государственный лидер Иосиф Сталин: «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело **чести**, в дело **славы**, в дело **доблести** и **геройства**» [9, с. 315].

В стратегии советской индустриализации дух соревнования укреплялся быстрым распространением передового опыта, лучших достижений в области технологии и организации

труда. Поддержка рабочей инициативы, внимательное отношение к требованиям ударников возводились в ранг государственной политики. Участником социалистического соревнования Н.А. Изотов стал в 1931 г., когда опытом его работы заинтересовался новый начальник шахты И.А. Юхман. Имя забойщика быстро стало известно всему Донбассу, а вскоре и всей стране. В апреле и мае 1932 г. в Донбассе работала выездная редакция газеты «Правда», которая на страницах, выпускавшихся непосредственно в Горловке, призывая шахтеров занять подобающее место в авангарде соревнования за досрочное выполнение плана первой пятилетки, в качестве конкретного примера рассказывала об изотовских методах работы. В мае 1932 г. в «Правде» была напечатана статья самого Н.А. Изотова «Мой метод».

Летом того же года, выступая на городской партконференции, Изотов попросил выделить ему специальный горный участок для обучения молодежи. Инициативу, разумеется, одобрили. Приказом по шахте № 1 с 1 января 1933 г. (то есть вместе со стартом второй пятилетки) на участке № 7 начала работу первая школа, руководителем-инструктором которой был назначен Н.А. Изотов. Лозунг школы подчеркивал амбициозность замысла: «Даем лучших, берем худших». На участке Изотова не было постоянного состава рабочих. Как только забойщик начинал систематически перевыполнять план, его переводили на другой участок. Изотов всю смену проводил в уступах своих учеников, оценивал работу каждого, анализировал приемы работы. Подобным образом на участке № 7 было подготовлено 150 забойщиков. А Изотов в мае 1933 г. перешел на следующий отстающий участок, где уголь добывали уже не обушком, а с помощью отбойных молотков – в результате за первую неделю работы школы участок «Мазурка-12» перешел от 76% к 175% выполнения суточного задания [8].

В короткий срок популярность изотовского движения вышла за пределы Донбасса. Вдохновленные последователи массово появлялись в разных отраслях промышленности: «Дни Изотовых», «пятидневки Изотовых» проходили на металлургических, химических, машиностроительных заводах, комбинатах легкой промышленности, на транспорте и стройках. «Изотовские смены» организовали на отстающих участках нефтяники. «Изотовские школы» стали действовать во всех отраслях народного хозяйства страны» [10].

Звание лучшего мастера забоя обязывало самого Н. Изотова постоянно совершенствовать собственное мастерство. Изначально забойщик

Рис. 4. Фоторепортер М. Марков знакомит Н. Изотова со своими снимками из серии «Никита Изотов», помещенными в бельгийском журнале «Tout»

предпочитал обушок отбойному молотку. Но прекрасно освоил и это «орудие легкой механизации», после чего озвученные в прессе результаты его работы стали восприниматься многими шахтерами едва ли не как фантастические. Например, горняки из Криворожья обратились к Изотову с просьбой «собственноручным письмом» подтвердить приведенную в газете «Правда» информацию, что в июне 1932 г. производственное задание было выполнено им на 2000%, а также прислать свою фотографию для подтверждения подлинности портрета шахтера, опубликованного в газете [8]. Пришлось Изотову отправлять и «собственноручное» письмо, и личную фотографию.

Центральные газеты писали об Изотове все больше и больше (кстати, именно в прессе возникла путаница с именем, в результате которой Никифор Изотов стал известен всей стране как Изотов Никита), но на то, как выглядел «лучший ударник Советского Союза», не слишком обращали внимание читателей: статистика его трудовых достижений казалась работникам печатных СМИ более важной. И вот, наконец: «Не иначе как нашей оплошностью можно объяснить тот факт, что только сейчас т. Никита Изотов «открыт» нашими фотожурналистами. На многочисленных наших рудниках, фабриках и заводах рабочие подробно обсуждали его замечательный метод организации работы, с ним – примером и гордостью нашей великой страны – соревнуются десятки тысяч, и только наши фотожурналисты в поте лица изыскивали темы для серийных снимков, восторгаясь каждой новой технической деталью. А Изотова, нашего Никиту Изотова, мы видели «только» в «Правде» с тем, чтобы сейчас же его забыть.

Наверстал то, что было нами упущено, т. Марков. Вместе с массой других превосходных снимков он привез с собой из Донбасса 14 негативов о Никите Изотове, 14 прекрасных снимков. На них запечатлено все самое важное

из жизни лучшего ударника Донбасса. Мы видим его по возвращении из шахты в беседе с бригадой следующей смены, на производственном совещании, у себя дома... Изотов дан как типичный представитель... нового поколения, созданного социалистической системой. Изотова интересует не только преуспевание своей собственной работы, он, помимо того, заботится и об улучшении производства всего Донбасса, всей страны» [11, с. 13].

Упомянутым «т. Марковым» был молодой фотокорреспондент Марк Марков (Марк Борисович Гринберг). Именно он сделал шахтера Никиту Изотова «узнаваемым» не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Агитационно-пропагандистское направление деятельности «Союзфото»², в котором работал М. Марков, предполагало усиленную работу над распространением советской фотоиллюстрации в зарубежной печати. С целью распространения положительной информации о советском государстве за границу посылались снимки, повествующие «о всех сколько-нибудь значительных событиях политической жизни и социалистического строительства СССР» [12, с. 36]. Подающему большие надежды фотокору М. Маркову³ доверили создание «экспортного» варианта фотоочерка о Никите Изотове, выполненного им в Горловке не позднее начала сентября 1933 г. Из 14 негативов 9 было отобрано для отправки за границу вместе с пояснительной статьей. В результате целиком или частично серия фотоснимков была опубликована в бельгийском еженедельнике «Tout» (рис. 4), в самой читаемой социалистической иллюстрированной газете Германии «AIZ» и в лучшем довоенном иллюстрированном еженедельнике Франции «Regard», представлявшем прессу левых политических партий и движений. Все три издания на обложке разместили портреты Н.А. Изотова, а французское и бельгийское выбрали именно этот снимок, считающийся лучшим во всем фотоочерке.

Никита Изотов предстает перед зрителями и читателями на т.н. погрудном портрете, который позволяет уделить должное внимание лицу героя. Кому-то в этом лице выходца из крестьян Орловской губернии видится чеканный профиль античных героев (в подобном ракурсе действительно выполнены многие римские скульптурные портреты). Другим же человек на черно-белой фотографии напоминает монумент из бетона. Изотов на снимке действительно смотрится таким же прочным и стойким. Вызывают ассоциацию с шероховатостями бетона и лицо, сплошь покрытое угольной пылью, и шлем в мелких трещинах, и рабочая куртка,

Рис. 5. Богатыри (фрагмент). В.М. Васнецов. 1881–1898 гг.

давно утратившая первоначальную гладкую фактуру от постоянного соприкосновения с углем и многочисленных стирок.

Но, возможно, визуальная аллюзия, задуманная М. Марковым, гораздо более проста и очевидна, и портрет Н. Изотова, «которого знает вся страна», отсылает к образам одной из самых узнаваемых в мировой живописи картин – «Богатырям» В.М. Васнецова⁴ (рис. 5). Расшифровать смысл аллегорической композиции зритель может, только основываясь на собственных представлениях и знаниях, так что русская былинно-историческая живопись служила надежным источником аллегории.

В 1930-е гг. советская журнальная фотоиллюстрация начала отходить от хроникального характера, присущего ей в предыдущее десятилетие. В связи с установкой на «то, чтобы фоторепортер был не только культурным фотожурналистом, но и художником», раскрывающим «средствами искусства все то, что у нас есть положительного» [13, с. 3], происходит, по словам В.Т. Стигнеева, «эстетическое обновление журнальной фотоиллюстрации. От снимков стали требовать не только визуального подтверждения факта, но и самостоятельного смысла, дополняющего содержание статей и заметок, живущего в унисон с журнальным текстом» [14, с. 178–179]. Неизбежно затронул сферу фотожурналистики и соцреализм, утверждавшийся в советском искусстве. Ориентированность на неискусшенные фотоавангардом вкусы трудовых масс отвергала «сумятицу любопытных линий» и призвала фотохудожника «показать живой кусок действительности» [15, с. 21]. Критиками отмечалось наличие в работах М. Маркова «простых форм фотопоказа сюжетов, близких массовому читателю», приветствовалась «простота ракурсов», которые делали снимки М. Маркова «доступными массовому зрителю и читателю» [15, с. 20].

Для решения той задачи, с которой М. Марков был направлен в Донбасс, – «показать решающие сдвиги в области каменноугольной промышленности»⁵ – необходим был новый тип узнаваемого всеми героя.

«Богатырь Донбасса», выходец из русского крестьянского сословия, Никита Изотов являл собой «новый тип борца», который вел бой не с врагами на ратном поле, а «с трудностями угольной промышленности» [16, с. 7–8] на угольном фронте⁶. Этот человек обладал не только невероятной физической, но и высокой нравственной силой. Он стал зачинателем народного движения за повышение производительности труда, порожденного бескорыстным стремлением передать свой опыт отстающим, чтобы добиться общего подъема. И эта черта роднит его с васнецовскими богатырями, которые изображены художником, скорее, не как конкретные былинные персонажи, а как аллегория созидательных сил.

В свое время В.М. Васнецов черту за чертой «собирал» среди представителей простого народа лица старших богатырей. С простолюдинов «списан» кряжистый, величественный и спокойный крестьянский сын Илья Муромец, за основу образа Добрыни Никитича художником взят сделанный с крестьянина эскиз, хотя былины и приписывают Добрыне княжеское происхождение. Ширококостный и очень высокий Изотов однозначно ассоциировался с этими могучими былинными персонажами⁷. На руку играла даже путаница, возникшая с именем забойщика по вине газетчиков, случайно «перекрестивших» шахтера-ударника. Однажды при личной встрече Изотова с наркомом тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе у последнего закономерно возник вопрос, почему Никифора все зовут Никитой. После объяснений нарком одобрительно сказал: «Славное имя Никита... Помнишь, как сказочного богатыря звали? Добрыня Никитич!..» [10].

Вместе с целым рядом выдающихся советских фоторепортеров М.Б. Марков-Гринберг создавал новый жанр – документальный эпос, повествующий не о героическом прошлом, а о современности, не менее чем прошлое нуждающейся в богатырском подвиге. Движение в сторону «героического стиля», монументальной фотографии вписывалось в общий политиче-

ский контекст эпохи. Фотография визуализировала, с одной стороны, реальный процесс происходящих в стране изменений, с другой стороны, показывала страну такой, какой она еще только должна стать. Визуальные образы героев, с успехом эту страну строящих, широко использовались в качестве примера для подражания. Людям необходимы идеалы, к которым они могут стремиться. Вот он, Никита Изотов – богатырь из XX века, способный противостоять даже мощным силам природы. Только настоящий богатырь может несколько минут удерживать на своих плечах тяжесть сдвинувшейся во время выброса газа горной массы, давая возможность своему напарнику вбить стойки крепи [10]. В такой момент проявляются черты, свойственные подлинному герою – полная самоотдача, смелость, выдержка, отсутствие страха смерти.

Портрет Никиты Изотова прост и убедителен. В постановочном снимке М. Маркову удалось избежать нарочитости и часто просматривающейся в подобных снимках искусственности. И хотя в свое время критик журнала «Советское фото» отмечал, что все снятые М. Марковым портреты «носят черты полнокровия и спокойствия» [15, с. 21], но именно этот портрет кажется особым. Не случайно фотограф считал его своей «визитной карточкой». Не последнюю роль, видимо, сыграло то, что Изотов не остался для фотокорреспондента просто объектом фотосъемки, редакционным «заданием»: он нравился журналисту как человек, о чем вспоминала дочь М.Б. Маркова-Гринберга уже после его смерти.

Для портрета фотокорреспондент выбрал момент, когда забойщик только вышел из шахты после смены. От Изотова исходит спокойная уверенность сильного человека, хорошо выполнившего свою работу. Эта работа – тяжелая, изнуряющая борьба за «большой уголь». Автор не дает в руки самому известному шахтеру страны отбойный молоток, избегая уже многократно использованной другими фотокорреспондентами аналогии с оружием. Это героика без оружия в руках. Единственным штрихом, намекающим на военизированную трактовку образа, служит только выдавшая виды каска, ассоциирующаяся со шлемом (хотя на большинстве снимков фотоочерка Изотов запечатлен в кепке). Фотокорреспондент понимает, что Изотов не нуждается в дополнительных атрибутах, подчеркивающих его значимость в профессии. Настоящее оружие могучего человека на фотографии – призвание и профессионализм. Результат его работы – отправная точка для созидательного труда тысяч других людей, занятых в

разных отраслях индустрии. Как истинный богатырь, такой человек способен выдержать не только просевший свод породы, но и груз колоссальной ответственности перед этими людьми.

Портрет Изотова – это репрезентативный портрет эпохи советской индустриализации, пришедший на смену парадному портрету предыдущих эпох⁸. Те писались по заказу «высоких особ» и по определению были элитны. Посредством демократичного жанра фотографии М. Марков создал художественный образ, построенный на принципе визуальной антитезы классическому представлению о парадности как таковой. Заношенная рабочая куртка и побитая каска заменили герою дорогие одеяния, лаконичный индустриальный пейзаж за его спиной пришел на смену великолепным интерьерам, вместо орденов и других эксклюзивных знаков отличия ударник производства носит на груди шахтерскую лампу, которую носили сотни тысяч других шахтеров. Кардинально изменена даже колористическая гамма: сдержанная черно-белая фотография сменила неизменную нарядность и декоративность картины. Сохранено разве что обязательное для подобного жанра спокойное, уравновешенное эмоциональное состояние героя изображения. И тем не менее это парадный портрет, главной задачей которого по-прежнему является видимое возвышение, возвеличивание изображенного на нем человека, а не просто передача визуального сходства. Все в этой работе «наоборот» – цветовое решение, одежда, атрибуты – способствовало созданию настроения торжественности и приподнятости, как и положено парадному портрету.

Присущий жанру намеренный пафос направлен не только на прославление шахтера, но и на вызванное исторической необходимостью формирование культа физического труда как доблестного и славного дела. Как инструмент визуальной политики репортажный портрет 1930-х гг. был призван историзировать происходящие перемены в социальном мире, наглядно демонстрируя тот факт, что место человека в новой общественной иерархии определяется, прежде всего, его вкладом в общее созидательное дело. На общественный престиж человека труда указывает даже большой формат фотографии Никиты Изотова (см. рис. 4), который тоже должен внушать зрителю мысль о значимости героя, занятого в важнейшей отрасли народного хозяйства страны.

В созданном Марком Марковым образе соединяются целеустремленность, духовная и физическая сила, компетентность и профессионализм. Присущая соцреализму понятность и кон-

кретность давала возможность любому молодому, физически крепкому и выносливому человеку сформировать свое будущее по образцу, представить себя героем подобного портрета, вне зависимости от того, выбрал ли он уже профессию шахтера или только обдумывал подобный выбор⁹.

Визуальная коммуникация, наполненная установками, ценностями, ориентациями, мотивами, происходит после анализа зрителем предлагаемого образа. И хотя интерпретация изображения довольно субъективна, зритель обязательно улавливает, «считывает» информацию, заложенную в нем, – тем более, если речь идет об образах соцреализма, предполагавшего внятное изображение и конкретику. На портрете шахтера Изотова фотокорреспондентом «показан конкретный ударник», наделенный индивидуальными чертами (если присматриваться, то можно заметить даже выбившийся из-под каски светлый чуб). Вместе с тем лицо «героя угольного фронта, нового человека в стране социализма» [15, с. 21] Никиты Изотова будто замуфлировано смешанной с потом угольной пылью. В совокупности с игрой светотени этот «профессиональный» камуфляж, характерный для каждого забойщика, лишает Изотова многих индивидуальных черт, делает его изображение едва ли не анонимным. Очевидно, что Марк Марков здесь более чем преуспел в приветствуемом критиками «художественном обобщении» и создал образцовый портрет шахтера нового поколения, нацеленный на формирование социальных ориентиров, необходимых времени «великих строек».

Примечания

1. Журнал основан в 1926 г. С 1931 г. по 1933 г. назывался «Пролетарское фото».

2. Акционерное общество «Союзфото» занималось централизованным выпуском фотоиллюстраций для газет и журналов, книжных издательств и других потребителей фотоинформации. В структуре этой организации функционировали агентства «Прессклише» и «Фотохроника».

3. М.Б. Марков-Гринберг проработал фотокорреспондентом почти 50 лет, начиная с 1925 г. Однако пик его карьеры пришелся на довоенный период. Как репортер он был сформирован эпохой 1920–1930-х гг., а своими «визитными карточками» справедливо считал портрет Никиты Изотова и фотографию установщика металлической позолоченной звезды на Спасской башне в 1935 г.

4. В лице вышедших в дозор васнецовских трех богатырей зритель видит народ, который стоит на страже границ своей родины. В образе шахтера-богатыря, добывающего для страны стратегически важное сырье, видится месседж к зарубежной ауди-

тории, не обязательно дружелюбно настроенной к советскому государству. К моменту появления в зарубежных СМИ фотоочерка о Никите Изотове еще не была написана знаменитая «Песня о Каховке» на стихи Михаила Светлова (она появится чуть позже, в 1935 г.), но И.В. Сталин уже произнес известную речь «О задачах хозяйственников» (1931 г.). «Задерживать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми» [17, с. 38]. Будучи задействованными в ликвидации промышленной отсталости, шахтеры помогали ликвидировать и военную отсталость: «Мы – мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!». Портрет Изотова, не агрессивного, но и несокрушимого рабочего-богатыря, можно «считать» посланием-предупреждением о том, что в социалистической стране имеется возможность быстро загрузить топку паровоза бронепоезда (иначе говоря, государство сумеет обеспечить военное производство необходимым ему стратегическим топливом) и рассчитывать на безнаказанность потенциальному врагу не стоит.

5. В трудовые ресурсы входят как занятые, так и потенциальные работники. Не менее важной задачей фотоочерка «Никита Изотов» была пропаганда профессии шахтера (прежде всего, среди деревенской молодежи). Созданный М. Марковым визуальный ряд, кроме идеологически важного прославления героики и важности шахтерского труда, акцентировал внимание на вещах, значимых с точки зрения удовлетворения базовых потребностей человека: в пище и тепле, принадлежности к определенной социальной группе (кстати, весьма значимой в новом обществе), самореализации, духовном развитии и т.п. Шахтерская столовая с богатым выбором сытных блюд, просторная светлая комната, где ударник труда ужинает в кругу семьи, возможность культурного отдыха, даже наличие телефона (первый в городе личный телефон появился именно в семье Изотовых) – все эти блага даны шахтеру-ударнику за его высокопроизводительный труд. Посыл фотоочерка очевиден: приходи в шахту, равняйся в работе на таких, как Никита Изотов, – и со временем все это у тебя будет.

6. Термин «угольный фронт» был в то время чрезвычайно распространен ввиду стратегического значения отрасли.

7. Следует отметить, что Н.А. Изотов всегда возражал против попыток списать его трудовые достижения на счет его природных данных. «Не в силах дело. Одной силой не возьмешь...», – часто повторял он и приводил в пример забойщиков атлетического телосложения, которые едва-едва выполняли дневную норму добычи.

8. В истории живописи парадный портрет являлся одним из самых величественных типов портрета и был доступен только очень статусным персонам: монархам, аристократам, полководцам, высокопоставленным чиновникам. Смысл создания парадного портрета заключался в показе портретируемого как человека выдающегося, добившегося определенных успехов, лидера, обладателя высоких наград и званий.

9. Мобилизующая функция портрета, снятого М. Марковым, использовалась и позднее. Например,

в 1935 г. журнал «СССР на стройке» (№ 6) поместил портрет шахтера-рекордсмена Н. Изотова среди других портретов знаковых личностей советской истории (начдива В.И. Чапаева, исследователя Арктики О.Ю. Шмидта, летчика М.М. Громова, селекционера И.В. Мичурина) в фотоколлаж на развороте номера с названием «Кем мечтают стать наши дети».

Список литературы

1. Тяжелникова В.С. Отношение к труду в советский и постсоветский период // Социально-экономическая трансформация в России: сб. статей. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 99–123.
2. Шарков Ф.И. Визуализация политического медиапространства // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 97–107.
3. Коробкова С.С. «Индустрия социализма»: иконография рабочего в советской репортажной фотографии 30-х годов // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2008. Т. 178. С. 79–85.
4. Из отчетного доклада Народного комиссариата тяжелой промышленности VII съезду Советов. 31 января 1935 г. // Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи в двух томах. Том 2 (1926–1937 гг.). М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 605–658.
5. Межеричер Л. Героика, воплощенная в снимках // Советское фото. 1934. № 4–5. С. 6–8.
6. Сосфенов И.О. Об образе молодого человека в советском фотоискусстве // Советское фото. 1938. № 13. С. 14–20.
7. Вальран В. Советская фотография. 1917–1955. СПб.: Лимбус-Пресс, 2016. URL: <https://iknigi.net/avtor-valeriy-valran/121820-sovetskaya-fotografiya-19171955-valeriy-valran/read/page-9.html> (дата обращения: 25.06.2020).
8. Изотов Н.А. Моя жизнь. Моя работа. Харьков: Украинский рабочий, 1934. URL: <https://www.donmining.info/2017/02/izotov-moya-zhizn-moya-rabota.html> (дата обращения: 11.05.2020).
9. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП (б). 27 июня 1930 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1952. С. 235–373.
10. Яковлев Г.Н. Никита Изотов. М.: Молодая гвардия, 1989. URL: https://royallib.com/book/yakovlev_georgiy/nikita_izotov.html (дата обращения: 04.08.2020).
11. Фритц Ф. «Пример и гордость всей страны»: Фотоочерк «Никита Изотов» в заграничной прессе // Советское фото. 1934. № 1. С. 13–14.
12. Советский фотоснимок за рубежом // Советское фото. 1934. № 2. С. 36.
13. Год борьбы за качество // Советское фото. 1934. № 1. С. 3.
14. Стигнеев В.Т. Формирование жанра фоторепортажа в советской фотографии 1920-х гг. // Художественная культура. 2018. № 2. С. 168–193.
15. Морозов С. Показ живого человека // Пролетарское фото. 1933. № 5. С. 20–21.
16. Гришанин В. По-новому живут строители социализма // Советское фото. 1934. № 1. С. 7–13.
17. О задачах хозяйственников // Сталин И.В. Сочинения. Том 13. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1953. С. 29–42.

REPORTAGE PORTRAIT OF 'UDARNIK' DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS AS AN ELEMENT OF VISUAL POLITICAL COMMUNICATION (BY EXAMPLE OF THE PORTRAIT OF NIKITA IZOTOV)

E.P. Maksimenko

Using a concrete example of a reportage portrait of a slaughterer Nikita Izotov, the article examines the visual representation of a worker in the Soviet media in the first half of the 1930s. The author emphasizes the role of visual means that carry a political load, the role of the aesthetics of photography as an instrument of ideological influence.

Keywords: five-year plan, manpower, udarnik, Izotov's movement, photojournalist, miner, epic hero, visual communication.

References

1. Tyazhel'nikova V.S. Otnoshenie k trudu v sovetskij i postsovetskij period // Social'no-ekonomicheskaya transformaciya v Rossii: sb. statej. M.: Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond, 2001. S. 99–123.
2. Sharkov F.I. Vizualizaciya politicheskogo mediaprostranstva // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 5. S. 97–107.
3. Korobkova S.S. «Industriya socializma»: ikonografiya rabochego v sovetskoj reportazhnoj fotografii 30-h godov // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2008. T. 178. S. 79–85.
4. Iz otchetnogo doklada Narodnogo komissariata tyazhelej promyshlennosti VII s"ezdu Sovetov. 31 yan-
5. Mezhericher L. Geroika, voploshchennaya v snimkah // Sovetskoe foto. 1934. № 4–5. S. 6–8.
6. Sosfenov I.O. Ob obraze molodogo cheloveka v sovetskom fotoiskusstve // Sovetskoe foto. 1938. № 13. S. 14–20.
7. Val'ran V. Sovetskaya fotografiya. 1917–1955. SPb.: Limbus-Press, 2016. URL: <https://iknigi.net/avtor-valeriy-valran/121820-sovetskaya-fotografiya-19171955-valeriy-valran/read/page-9.html> (data obrashcheniya: 25.06.2020).
8. Izotov N.A. Moya zhizn'. Moya rabota. Har'kov: Ukrainskij rabochij, 1934. URL: <https://www.donmining.info/2017/02/izotov-moya-zhizn-moya-rabota.html> (data obrashcheniya: 11.05.2020).

9. Politicheskij otchet Central'nogo Komiteta XVI s"ezdu VKP (b). 27 iyunya 1930 g. // Stalin I.V. Sochineniya. T. 12. M.: Gosud. izd-vo polit. lit-ry, 1952. S. 235–373.
10. Yakovlev G.N. Nikita Izotov. M.: Molodaya gvardiya, 1989. URL: https://royallib.com/book/yakovlev_georgiy/nikita_izotov.html (data obrashcheniya: 04.08.2020).
11. Frite F. «Primer i gordost' vsej strany»: Fotocherk «Nikita Izotov» v zagranichnoj presse // Sovetskoe foto. 1934. № 1. S. 13–14.
12. Sovetskij fotosnimok za rubezhom // Sovetskoe foto. 1934. № 2. S. 36.
13. God bor'by za kachestvo // Sovetskoe foto. 1934. № 1. S. 3.
14. Stigneev V.T. Formirovanie zhanra fotoreportazha v sovetskoj fotografii 1920-h gg. // Hudozhestvennaya kul'tura. 2018. № 2. S. 168–193.
15. Morozov S. Pokaz zhivogo cheloveka // Proletarskoe foto. 1933. № 5. S. 20–21.
16. Grishanin V. Po-novomu zhivut stroiteli socializma // Sovetskoe foto. 1934. № 1. S. 7–13.
17. O zadachah hozyajstvennikov // Stalin I.V. Sochineniya. Tom 13. M.: Gosud. izd-vo polit. lit-ry, 1953. S. 29–42.